~~На майдане~~ Зима легла не сразу. ~~На Михайлов день~~ после Покрова стаял ватавшийся снег и табунки снова вагнали на подножный. С неделю тянул горячий ветер, теплело, отходила земля и ярко доцветала в окнах поздняя Мишкина зеленка. Растепель держалась до Михайлова дня, потом ~~ударил~~ ударил мороз, завалил снег; день ото дня крепчал ~~мороз~~ мороз, подпало еще на четверть снегу и на минутах обдонских огородах, через занесенные по маковки плетни, лежал, пестрятся ~~дорожки~~ вдавшись заячьих следов, обезлюдели улицы, вдоль настелся над хуторами низенький дым, ~~над~~ ~~рассеян~~ ~~кучками~~ рассеянной сбоку дороги золотыми гаками налетевшие к жилью грачи. Сизой вощеной лентой закривилась по ~~станице~~ хуторам санная ровень дорожки-зимняки.

АВ. На майдане ~~собрался~~ начался ~~как-то~~ сход. Подходили делегаты и подрубка хвороста. Толпились у крыльца правления в тулупах и шубах, поскрипывали валенками. Холод загнал в правление. За столом по бокам от атамана и писаря расселись почетные, в серебряной седине бород — старики помоложе с разномастными бородами и безбородые казались в курачонах, фуражками из овчинной тельняновороттников.

Писарь кроя бумагу убористыми строками, атаман заглядывал ему через плечо, а по ~~не~~ наколодавшей комнате правления прогулушенным чувяк:

— Сена маже...

— Во-во. Луговые — корм, а со стен голый дотник.

— Бывалоча в старину до рождества в попасе.

— Калтаком дворо.

— Эхе-х,

— У атамана-то волчий очерёлок, ишь головку не повернёть.

— Калмак каторга, боров-дьявол.

— Ты, сват, аль зиму тулуп ишь? Тулупишшо-то...

— Цыган татарина шубу продал...

— На сытках ночуют эта ~~они~~ чудаки в степе, а упрыватьсь негде, бредкие одеяла. Забрало до тонкой кишки — проснулся, палец-та в вечёку просунул и матери: „Ху, мамаша, — гутарит, — то-то на ~~ноги~~ зуб и холодищша...".

— Утаки бог — сколизь зачнется.

— Ёлков ковать, неиначе.

— Надысь рубил я белотал у Чертовой сидоры, хорош.

— Заказ, хотно застегни... Отморозишь — баба с ~~сорок~~ сорока стонет.